
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИЗВЕСТНЫХ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ПРИНЦИПОВ В МЕНЯЮЩИХСЯ УСЛОВИЯХ БЫТИЯ

**ДОМАКОВ ВЯЧЕСЛАВ ВЕНИАМИНОВИЧ,
МАТВЕЕВ АЛЕКСЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ**

АННОТАЦИЯ

В статье дается ретроспективный анализ аксиоматики общественных отношений, включающих в себя «собственность (присвоение), т. е., по сути, отношение собственников и несобственников к объектам собственности), а также отношение обмена и распределения».

Показано, что при таком понимании общественных отношений в конкретных моделях общественно-экономической формации, используется своя аксиоматика, которая обеспечивает стабилизацию отношений между обществом и его предприимчивой частью в фактически меняющихся условиях хозяйствования и исходит из нее.

Сущностью таких вариантов аксиоматики является то, что они определяют только отношение субъектов общественных отношений к самим общественным отношениям, в рамках которых обязанности всегда абсолютны, права всегда относительны, при фактическом отсутствии ответственности, которая власть имущие во все времена с удовольствием брали на себя, но при этом, как правило, ни за что не отвечали.

Отмечено, что в рамках стабилизирующих совокупностей аксиом бремя выхода из кризисной ситуации ложится, как это принято, на плечи большинства людей, за счет которых происходит обогащение его предприимчивой части.

Ключевые слова: аксиоматика; общество; духовные и моральные принципы; стабильные экономические условия; кризис; меняющаяся среда хозяйствования.

PROSPECTS OF FAMOUS SPIRITUAL AND MORAL PRINCIPLES CHANGING CONDITIONS OF BEING

**DOMAKOV V. V.,
MATVEEV A. V.**

ABSTRACT

The article presents retrospective analysis of the axioms of public relations, including «property (appropriation), or, in fact, the relation-owners and non-owners of the property objects), as well as the relations of exchange and distribution.»

The article claims that such point of view on social relations in specific models of socio-economic system uses specific axiomatic that provides stabilization of relations between society and enterprising part of it in changing economic conditions, and comes out of it.

The essence of such options of axiomatic lies in fact, that these options determine only the ratio of subjects of public relations to the very social relations, where the duties are always absolute, rights are always relative. The responsibility is always nominal, as authorities are ready to take responsibility with pleasure, but in fact, they are responsible for nothing.

It is noted that in the framework of stabilizing sets of axioms the main burden of overcoming the crisis traditionally falls on most of people, due to which the enterprising part of the society is enriching.

Keywords: axiomatic; public relations; spiritual and moral principles; stable economic conditions crisis; changing economic conditions.

Кризис хозяйства в РФ 2014-2015 гг., усугубленный американскими санкциями, заставляет руководство страны очередной раз искать пути выхода из сложившейся ситуации. В этих тяжелых для большинства условиях весьма обнадеживающе звучат указания высшего руководства страны о том, что надо делать, а отсутствие установок о том, как делать то, что надо, оставляет проблему выхода из кризиса открытой.

Опора на прошлый опыт выхода России из кризиса, например, в 2008 г. вселяет в людей надежду на то, что еще не все потеряно, что может быть все еще обойдется. Однако здесь надо обязательно учитывать то, что в 2008 г. были совершенно иные условия. Эти иные условия при наличии одной и той же цели – «выйти из кризиса» ставят иные задачи, которые в этих новых условиях должны обеспечить достижение указанной цели, а новые задачи определяют

необходимость разработки новых методов их решения ...

Аналогичные проблемы постоянно возникали и возникают в рамках мирового рынка и мировой системы капиталистического хозяйства. Здесь каждый товар, обладающий свойством потребительной стоимости и свойством стоимости, являлся результатом труда большого количества наемных работников, однако результаты производства присваивала себе предприимчивая часть общества – капиталисты. Возникающее противоречие между общественным характером производства и капиталистическим способом присвоения его результатов становилось основным противоречием капиталистической модели общественно-экономической формации. Пути выхода из такого кризисного состояния европейского общества, начиная с первой половины XIX в., искала вся общественно-политическая мысль континента. К этому времени были выработаны на основе используемых общественных принципов «социального равенства» и «социальной справедливости» различные способы переустройства капиталистического общества, в основе которых лежало принятое в нем представление о собственности, разделившие тогдашние умы на несколько течений [15]. По своим предложениям, по рекомендуемым способам они разделялись [4; 27, С. 14-15]:

- на социалистов-утопистов и сторонников Л. Фейербаха (1804-1872 гг.), которые рассматривали общество за вычетом его предприимчивой части и считали, что «социальное равенство» и «социальная справедливость» могут быть достигнуты через распространение в таком обществе добродетели, моральные усилия или через овладение людьми гуманистическими идеалами;
- последователей графа К. А. де Рувуа, известного под именем Сен-Симон (1760-1825 гг.), и сторонников оформившегося в 30-х годах XIX в. направления позитивизма, которые рассматривали общество за вычетом его предприимчивой части и обосновывали идеи достижения «социального равенства» и «социальной справедливости» на путях постепенного экономического, научного и технического прогресса;
- анархистов, сторонников концепций П. Ж. Прудона (1809-1865 гг.) и М. А. Бакунина (1814-1876 гг.), которые рассматривали общество за вычетом его предприимчивой части и предлагали уничтожение эксплуатации и достижение «социального равенства» и «социальной справедливости» путем ликвидации обеспечивающего интересы капиталистов буржуазного государства – основного угнетателя народа;
- социал-демократов реформистов, приверженцев идей Ф. Лассаля (1825-1864 гг.), которые рассматривали общество за вычетом его предприимчивой части и полагали воз-

можным создание общества «социального равенства» и «социальной справедливости» посредством экономических и политических реформ, путем завоевания пролетариатом всеобщего избирательного права и мирного, парламентского перехода государственной власти под контроль пролетариев;

- радикальных социал-демократов сторонников идей К. Маркса (1818-1883 гг.) и Ф. Энгельса (1820-1895 гг.), полагавших возможным создание общества «социального равенства» и «социальной справедливости» в форме общества пролетарского социализма (коммунизма) путем пролетарской революции, которая должна была уничтожить предприимчивую часть, эксплуатирующую общество, и завоевать государственную власть пролетариатом и его союзниками.

В последующем по мере становления сложившейся цивилизации введенное Аристотелем мировоззренческое различие между экономикой и хрематистикой было незаметно утрачено, и искусство наживать богатство и делать деньги предприимчивыми людьми стали называть «экономикой» [14, 15].

Как показала история, разработанная основоположниками марксизма без исследования интересов и возможностей новой предприимчивой части этого общества политико-правовая идеология была реализована в России в 1917 г., но как показала та же история себя, увы, не оправдала.

Именно поэтому, сегодня в руководящих документах Минобрнауки РФ отмечается, что результаты исследования этих проблем «имеют особое значение в условиях кризиса современного российского общества, мучительно ищущего свою социокультурную идентичность, стремящегося создать эффективную систему социальной организации». При такой постановке прошлый опыт становится особенно ценным, незаменимым, если конкретизировать условия бытия, в которых этот опыт формировался, а также учесть то, что условия хозяйствования в РФ постоянно меняются при наличии неменяющейся аксиоматики общественных отношений [15], под которыми К. Маркс «собственность (присвоение), т. е., по сути, отношение собственников и несобственников к объектам собственности), а также отношение обмена и распределения» [21, С. 8].

Исследование неменяющейся аксиоматики общественных отношений имеет смысл связать со стабильными моделями общественно-экономической формации.

В основе обеспечения жизнедеятельности первобытного общества и обеспечения жизнедеятельности в классовых обществах через обогащение их предприимчивой части всегда лежали специфические духовно-нравственные принципы, под которыми понимались «научные или нравственные начала, основания, правила, основы, от которых не отступают» [9, С. 351] или «исходные положения, осново-

полагающие идеи, от которых нельзя отступить» [6, С. 588]. Они всегда являлись производной духовно-нравственного развития людей применительно к существовавшим условиям бытия и объединялись в некоторые совокупности или множества, отражающие в стабильной первобытнообщинной модели интересы семьи, рода, племени, а в рамках стабильных классовых моделей – интересы и потребности предприимчивой части общества и закономерности развития социума, и по этой причине являлись такими объектами, свойства которых не рассматривались во взаимодействии, а сводились без остатка только к свойствам составляющих их элементов, являлись их простой суммой.

К указанным определениям понятия «духовно-нравственный принцип», на мой взгляд, следует добавить еще и фразу: «на данном интервале времени», поскольку на ином интервале времени с иными условиями бытия духовно-нравственные принципы могут меняться, однако и на этом новом интервале времени от них по-прежнему нельзя отступать, подтверждая тем самым новый уровень принципиальности лиц, которые отказались от старых принципов и стали следовать новым.

Духовно-нравственные принципы вводятся в семье, роде, племени сообществом людей, а в классовых обществах специально насаждаются их предприимчивой частью через посредство государства, которое и придает им общее для всех в пространстве, во времени и по кругу лиц правовое значение, при этом сами они приобретают статус принципов права, которые сегодня закрепляются в статьях нормативно-правовых актов. Именно в таком виде духовно-нравственные принципы всегда определяли начала (аксиоматику) всей совокупности создаваемых в социуме стабильных общественных отношений, включающих в себя, как было отмечено, собственность как отношение собственников и несобственников к объектам собственности, а также отношения обмена и распределения [21, С. 8]. По своей сути, они определяли только отношение субъектов общественных отношений к самим общественным отношениям, в рамках которых обязанности всегда были абсолютны, права всегда относительны, при фактическом отсутствии ответственности, которая власть имущие во все времена с удовольствием брали на себя, но при этом, как правило, ни за что не отвечали.

Применительно к построению любой науки основные исходные положения, начала впервые отчетливо были представлены Аристотелем, который отмечал, что при доказательстве того или иного утверждения мы всегда опираемся на ранее установленные факты. В. И. Ленин по этому поводу замечал: «Практическая деятельность человека миллиарды раз должна была приводить сознание человека к повторению разных логических фигур, дабы эти фигуры могли получить значение аксиом» [13, С. 172]. Поэтому те положения, с которых начинается построение любой науки, не могут быть логически

доказаны – они применяются без доказательств и называются аксиомами. Отсюда следует, что в общем случае аксиома – это и есть основное исходное положение, начало, которое принимается на веру без доказательства и в социуме выступает в роли духовно-нравственного принципа.

Суждения Аристотеля об аксиомах легли в основу знаменитого труда великого математика Древней Греции Евклида (около 325 г. до н.э.-до 265 г. до н.э.) – «Начала» (около 300 г. до н.э.). В нем было представлено сравнительно небольшое число аксиом геометрии, из которых были выведены почти все известные в то время теоремы. Однако следует отметить, что в результате более поздних исследований выяснилось, что аксиоматика Евклида не полна – некоторые аксиомы, необходимые для построения геометрии, он так и не сформулировал.

В XIX в. аксиомы любой математической теории стали рассматриваться как «выражения свойств ее естественной интерпретации (например, аксиомы геометрии как выражение некоторых свойств пространства), в непосредственной связи, с которой рассматривалась сама теория». Согласно концепции Д. Гильберта, аксиомы – это неявные определения основных свойств математической теории, а потому ее интерпретацией могла служить любая совокупность объектов, свойства которых удовлетворяли рассматриваемой системе аксиом» [23, С. 25]. Наряду с аксиомами Д. Гильберт выделял так называемые «основные понятия», определение которых не дается, а их свойства выражаются в аксиомах. Отсюда следует, что основные понятия как бы определяются аксиомами. При этом для построения той же геометрии могли быть использованы различные совокупности аксиом, важно лишь было, чтобы полученные из них различными способами выводы были одинаковыми.

Блестящим подтверждением этому послужила геометрия Н.И. Лобачевского – Ф. Бойаи – К. Ф. Гаусса, отличная от геометрии Евклида, в которой 5-й постулат (аксиома) Евклида, утверждающий, что «параллельные прямые не пересекаются», был заменен ими практически в одно и то же время на противоположное утверждение.

Отсюда следует, что использование различных совокупностей духовно-нравственных принципов может привести к различным концепциям развития общества.

Исторический опыт показал, что поиски и использование таких совокупностей духовно-нравственных принципов для обеспечения жизнедеятельности общества через обогащение его предприимчивой части велись с самых древних времен, а их модификации в полной мере определяли те условия, в которых и была возможна реализация правления, направленного на поддержание именно стабильных общественных отношений и исходящих из факта их стабильности.

Так, одна из первых совокупностей духовно-нравственных принципов Вавилона восходит

к шестому правителю Ассирийского царства Хаммурапи (1792-1750 гг. до н.э.), создавшего «специальную организованность» общества со сверхцентрализованным аппаратом царской власти, включая и армию. Имевшая тогда место несправедливость между разными по физической силе и общественному положению людьми была уравновешена им соответствующими для того времени духовно-нравственными принципами, которые были зафиксированы им не в статьях закона, от которых несмотря на наказание можно было отступить, а в преамбуле к «Своду законов» Хаммурапи. В тех условиях бытия они определяли следующие исходные начала [26, С. 25]:

- чтобы сильный не обижал слабого;
- чтобы сироте и вдове оказывалась справедливость;
- чтобы притесненному оказывалась справедливость.

Здесь первый духовно-нравственный принцип, гласящий: «чтобы сильный не обижал слабого», выступал в роли требования, от которого нельзя было отступить, а в двух других использовалось такое понятие как «справедливость», которой не давалось специального толкования, но неопределенные свойства которой неявно выражались в этих духовно-нравственных аксиомах и понимались всеми одинаково. Все три духовно-нравственных принципа в полной мере обеспечивали стабильность правления в эпоху Хаммурапи и исходили из этой стабильности, а потому условия для замкнутого управления здесь полностью отсутствовали. Это означало, что речь здесь шла именно о правлении, которое имело содержание разомкнутого программного регулирования, а по форме представляло собой царскую власть.

Живший в Китае в 550-479 г.г. до н.э. великий Конфуций, ввел духовно-нравственные принципы «жэнь» и «и», объединившие духовные, нравственные, этические, социальные и правовые начала, обеспечивающие стабильные взаимоотношения среди людей. Назначение принципа «жэнь» он определял формулой: «чего не желаешь себе, того не делай людям» [22], а в принципе «и» также, как и Хаммурапи выделял справедливость, которая не имела специального толкования, но ее неопределенные свойства понимались всеми одинаково. Эти два духовно-нравственных принципа в полной мере обеспечивали стабильность правления в Китае в эпоху Конфуция и исходили из этой стабильности, а потому условия для замкнутого управления здесь полностью отсутствовали. Это означало, что речь здесь могла идти лишь о правлении, которое имело содержание разомкнутого программного регулирования, а по форме представляло собой власть.

В социально-экономических доктринах Древней Греции, которая представляла собой рабовладельческую республику с различными степенями демократизма, выделялись в связи с этим два духовно-нравственных принципа [26, С. 32-33]:

- справедливость;
- равенство как равная мера свободы для равных из среды рабовладельцев.

И здесь понятию «справедливость» не давалось специального толкования, но ее неопределенные свойства понимались всеми рабовладельцами одинаково, при этом духовно-нравственный принцип равенства выступал как своего рода характеристика духовно-нравственного принципа справедливости в рабовладельческой среде. Представление о равенстве было детально рассмотрено пифагорейцами (VI-V в. до н.э.). «Определив справедливость как воздание равным за равное, пифагорейцы обратили внимание на связь равенства и меры и трактовали надлежащую меру как известную, числовую по своей природе пропорцию, то есть как некое приравнение, словом равенство». В.С. Нерсисянц отмечал [17], что «равенство в его наиболее абстрактном, «чистом» и безразличном ко всякого рода различиям объектов (кроме самой их измеряемости) стало сферой именно математики ... В социально-экономической сфере того времени математическое равенство конкретизировалось в виде духовно-нравственного принципа равенства как равной меры свободы» для равных рабовладельцев, а справедливость во всех ее проявлениях включала в себя в этом случае и момент равенства. Иными словами, когда к явлению того времени прилагался масштаб справедливости и равенства, то это и означало духовно-нравственный подход в рабовладельческом обществе. Эти два духовно-нравственных принципа в полной мере обеспечивали стабильность правления в Древней Греции и исходили из этой стабильности, а потому условия замкнутого управления и здесь полностью отсутствовали. Это означало, что и в этом случае речь шла именно о правлении, которое имело содержание разомкнутого программного регулирования, а по форме представляло собой власть рабовладельцев.

Аналогичные представления, но только о духовно-нравственном принципе справедливости для неравных – рабовладельцев и рабов были увязаны Аристотелем с законом и легли в основу предложенного им деления «справедливости на уравнивающую и распределяющую». Заменяя «справедливость» применительно к неравным на «политическую справедливость», он полагал, что она связана с «порядком, установленным в политической организации, т. е. государстве», что она «создается законом и имеет место лишь среди людей, по своей природе могущих жить в законе, а таковые суть те, у которых существует равенство во властвовании и подчинении» [12, С. 90-91].

На практике описанные основополагающие духовно-нравственные принципы справедливости и равенства как равной меры свободы для равных – рабовладельцев, а также духовно-нравственный принцип политической справедливости для неравных – рабовладельцев и рабов в рамках установленных законов имели существенное ограничение: при

их использовании высшим правом считалось право государства, которое обеспечивало интересы рабовладельцев, поддерживало жизнедеятельность большинства на уровне, достаточном для извлечения из него прибыли, и стабилизировало такую ситуацию, то есть, по сути, всегда обеспечивались интересы сильного [26, С. 65].

Перечисленные духовно-нравственные принципа в полной мере обеспечивали стабильность правления в Древней Греции и исходили из этой стабильности, а потому условия для замкнутого управления и здесь полностью отсутствовали. Это означало, что используемое правление имело содержание разомкнутого программного регулирования, а по форме представляло собой царскую власть.

В раннефеодальный период у древних славян на Руси основной духовно-нравственный принцип равенства был сформулирован в дошедших до нас источниках славянской Новгородской республики, которая представляла собой централизованную «специальную организованность» общества – государство, властвующее над провинциями («концами») через назначаемых центром и наделенных значительной самостоятельностью должностных лиц, а также через выборную администрацию [26, С. 53]. Здесь духовно-нравственный принцип равенства как «равной меры свободы для равных» был классически подменен совершенно другим духовно-нравственным принципом – принципом равноправия, который выражался только в равном участии всех свободных, но, увы, неравных жителей главного города в верховном органе власти – вече, решения которого считались правомочными при единогласном их принятии и участии всех социальных групп населения [26, С. 54.]. Полагалось, что такие решения, принятые на основе общего духовно-нравственного принципа равноправия, не могли быть в принципе несправедливыми [11]. Духовно-нравственный принцип равноправия в полной мере обеспечивал стабильность правления в Новгородской республике и исходил из этой стабильности, а потому условия для замкнутого управления и здесь полностью отсутствовали. Это означало, что используемое здесь правление имело содержание разомкнутого программного регулирования, а по форме представляло собой власть.

Как показывают исследования В. И. Сергиевича [24], вече существовало во всех княжествах домонгольской Руси, а значит духовно-нравственный принцип равноправия, и как следствие из него – духовно-нравственный принцип справедливости так же являлись определяющими для древних славян и обеспечивали правление с содержанием в виде разомкнутого программного регулирования, и формой в виде княжеской власти.

Духовно-нравственные принципы справедливости, равенства как равной меры свободы для равных, затем равноправия – для неравных дополнялись и уточнялись по мере развития общества.

Применительно к этапу мануфактурной стадии общественного развития общества следует упомя-

нуть Ш. Л. Монтескье, который ввел и увязал духовно-нравственные принципы свободы и законности, заключавшиеся «не в том, чтобы делать с властью или в государстве то, что хочется, а свобода есть право делать все, что дозволено законами» [16].

Развивая эти идеи применительно к периоду французской буржуазной революции английский политический деятель, «пророк консерватизма» Э. Берк конкретизировал указанную выше совокупность духовно-нравственных принципов в следующей форме [5]:

- люди, преследующие цели равенства индивидов, и люди, стремящиеся к свободе, абсолютно разные по своим целям и жизненным интересам;
- главное предназначение свободы – это создание, сохранение и защита частной или семейной собственности, а также необходимых для жизни человека духовных основ: убеждений, привычек, культурных традиций и принципов, верований [15];
- главной целью людей, стремящихся к равенству, является перераспределение уже созданного и уравнивание «доли» каждого в материальной и духовной сферах;
- социально-экономические действия, направленные на стирание естественного, идущего от природы неравенства людей в их задатках, умственных и физических способностях, приводит к ущемлению интересов людей.

Приведенные духовно-нравственные принципы в полной мере обеспечивали стабильность правления в период французской буржуазной революции и исходили из нее, а потому условия для замкнутого управления здесь также полностью отсутствовали. Это означало, что и здесь речь шла именно о правлении, которое имело содержание разомкнутого программного регулирования, а по форме также представляло собой власть.

Анализ таких духовно-нравственных принципов как справедливость, равенство и равноправие, выступающего в качестве альтернативы равенству, свобода, законность показывает, что их практическая реализация всегда была связана с обеспечением стабилизации общественных отношений, исходила из факта их стабильности и определялась с трех позиций:

- нашего отношения к социально-экономической сфере, которое могло быть описано формулой: «нельзя злоупотреблять возможностями социально-экономической сферы»;
- нашего отношения к человеку в социально-экономической сфере, которое определялось формулой: «чего не желаешь себе, того не делай людям» [20];
- нашей позиции в конкретных конфликтах, спорах и делах в рамках социально-экономической сферы и т. д.

При таком подходе априори не требовалось установления характера взаимосвязи и взаимодействия

элементов в совокупностях духовно-нравственных принципов, выявления в них противоречий, а все усилия направлялись только на их классификацию и стремление сделать эту совокупность удобной для обеспечения интересов предприимчивой части общества и наглядной и простой для понимания социумом. В результате при сложившемся к настоящему времени порядке правления, обеспечивающем стабилизацию в обществе, совокупность духовно-нравственных принципов в итоге включила в себя:

- принцип социальной свободы, который обеспечивается «предоставлением членам общества максимальной свободы в выборе форм трудовой деятельности, профессии, места жительства, возможностью пользоваться различными социальными услугами государства и частных лиц, возможностью свободно распоряжаться своими трудовыми доходами, участвовать в распределении общих социальных благ, иметь право на свою долю совокупно произведенного продукта, быть защищенным от безработицы и других социальных конфликтов»;
- принцип социальной справедливости, который «обеспечивается соответствием между практической ролью индивидов в жизни общества и их социальным положением, между их правами и обязанностями, между трудом и вознаграждением, преступлением и наказанием, заслугами человека и их общественным признанием» [7; 20];
- принцип демократизма, который реализуется «в нормах, регулирующих порядок организации и деятельности органов государственной власти, определяющих правовое положение человека, характер его взаимоотношений с государством»;
- принцип гуманизма, «закрепляющий и реально гарантирующий естественные и неотъемлемые права и свободы каждого человека: право на жизнь, здоровье, личную свободу и безопасность, право на охрану своей чести и репутации, защиту от любого произвольного вмешательства в сферу личной жизни и другие» [14];
- принцип равноправия, «провозглашающий равенство всех граждан перед законом, их равное право на защиту закона независимо от национального или социального происхождения, языка, пола, политических или иных убеждений, религии, места жительства, имущественного положения или иных обстоятельств» [14];
- принцип единства прав и обязанностей, который «выражается в органической связи и взаимообусловленности прав и обязанностей участников общественных отношений: государства в целом, его органов, должностных лиц, граждан и различных объединений»;
- принцип ответственности за вину, в соот-

ветствии с которым «ответственность может быть возложена на человека лишь в том случае, если он был виновен в нарушении» установленных требований;

- принцип законности, выражающийся «в требовании строгого и полного осуществления предписаний установленных правил всеми субъектами социально-экономической сферы» [8].

Не трудно заметить, что все эти духовно-нравственные принципы по факту действительно определяют только отношение человека к социально-экономической сфере и к самому процессу правления. Приведенные духовно-нравственные принципы в полной мере обеспечивают стабильность правления в наше время и исходят из этой стабильности, а потому условия для замкнутого управления и здесь полностью отсутствуют. Это означает, что и здесь речь идет именно о правлении, которое имеет содержание разомкнутого программного регулирования, а по форме представляет собой власть.

Сравнивая отдельные духовно-нравственные принципы на различных этапах общественного развития, обеспечивающих стабильность в обществе, можно заметить определенную модификацию их содержания.

Возьмем, к примеру, духовно-нравственный принцип равенства, который еще в древности пифагорейцы определяли как «равную меру свободы», означающую, что равные граждане – рабовладельцы были одинаково свободны во всем. В условиях неравенства применительно к рабовладельцам и рабам Аристотель уже ограничивает равную меру свободы рамками закона и рассматривает равенство во властвовании рабовладельцев и подчинении рабов. Другой формой модификации духовно-нравственного принципа равенства, например, у древних славян, было введение принципа равноправия, обеспечивающего только равное участие всех свободных жителей главного города в верховном органе власти – вече, решения которого считались правомочными при единогласном их принятии и участии всех социальных групп населения. Окончательный итог в отношении духовно-нравственного принципа равенства для неравного общества, состоявшего из капиталистов и рабочих, подвел английский политический деятель Э. Берк, который отмечал, что главной целью неравных, но стремящихся к равенству людей, является перераспределение уже созданного и уравнивание доли каждого в материальной и духовной сферах. Видимо, по этой причине применительно к нашему времени издревле известный духовно-нравственный принцип равенства был заменен на духовно-нравственный принцип равноправия, «провозглашающего равенство всех граждан перед законом, их равное право на защиту закона независимо от национального или социального происхождения [14], языка, пола, политических или иных убеждений, религии, места жительства, имущественного положения или иных обстоятельств» [1; 2; 18; 25].

Другим примером может стать духовно-нравственный принцип свободы, который еще в эпоху мануфактурной стадии общественного развития Ш. Л. Монтескье определил как «право делать все, что дозволено законами», которые во все времена обеспечивали интересы предприимчивой части общества. Подтверждением этому может служить известное высказывание Б. Муссолини, который утверждал: «Все для своих, закон – для врагов». В наше время духовно-нравственный принцип свободы был заменен духовно-нравственным принципом «социальной свободы», который ныне обеспечивает «предоставление членам общества максимальной свободы в выборе форм трудовой деятельности, профессии, места жительства, возможности пользоваться различными социальными услугами государства и частных лиц, дает возможность свободно распоряжаться своими трудовыми доходами, участвовать в распределении общих социальных благ, иметь право на свою долю совокупно произведенного продукта, быть защищенным от безработицы и других социальных конфликтов». Совершенно очевидно, что предоставление максимальной (считай: максимально равной) свободы в условиях неравенства будет способствовать только углублению всех противоречий в социально-экономической сфере [15].

В условиях принятой за основу стабильной направленности социально-экономической сферы вопросы взаимодействия духовно-нравственных принципов как таковые не ставились вообще, а внимание уделялось только их взаимозаменяемости, которую называли «взаимосвязанностью» [28, С. 218]. Так, например, возвращаясь к социально-экономическим доктринам Древней Греции, можно заметить, что введенные тогда духовно-нравственные принципы свободы и законности как бы подразумевали одновременное присутствие принципов равенства и справедливости. Опираясь на мнение Аристотеля [3, С. 83], который отмечал, что принцип справедливости тесно связан с принципом равенства людей – рабовладельцев, так как справедливость выступает как равное, а несправедливость – как неравное отношение к равным людям, было сделано обобщение, связанное с их тесной «взаимосвязанностью» между собой. Полагали, что, например, если действует духовно-нравственный принцип социальной справедливости, то устанавливаются и гуманные отношения между людьми, и, наоборот, реализация духовно-нравственного принципа гуманизма означает в то же время установление и справедливых общественных отношений [28, С. 218].

Взаимозаменяемость духовно-нравственных принципов в связи с их указанной «взаимосвязанностью» часто и весьма активно использовалась и в наше время во многих программах избирательных объединений кандидатов в депутаты Государственной Думы. Так, например, в платформе избирательного объединения «Памфлова-Гуров-Лысенко», представлявшего в свое время Республиканскую партию РФ, выделялись следующие принципы-ло-

зунги [19, С. 3]:

- «достаток, личная безопасность, равенство всех перед законом, уверенность в будущем – вот те основные ценности, которые должны объединять всех россиян [14];
- реформы должны проводиться для человека, а не для закрепления господствующего положения новой номенклатуры;
- демократия несовместима с всевластием чиновников и с разгулом преступности;
- у власти должны быть профессионалы с чистыми руками;
- власть – это не только возможность действовать, но и личная ответственность за содеянное;
- критика, так же, как и оппозиция, должны быть конструктивными».

Они так же, с одной стороны, определяли условия для существования стабильной социально-экономической сферы, а, с другой стороны, исходили из этой ее стабильной направленности, что позволяло использовать лишь отдельные духовно-нравственные принципы, которые автоматически подразумевали выполнение и других, не названных в такого рода программных документах. Как видно, здесь выделение из совокупности отдельных духовно-нравственных принципов в угоду сиюминутным интересам, в частности избирательной кампании, становилось возможным в связи с их взаимозаменяемостью, которая вытекала из их «тесной взаимосвязанности друг с другом», характерной только для предполагаемых условий стабильной направленности социально-экономической сферы, когда акцент на одном определяющем для данного момента духовно-нравственном принципе автоматически создавал условия для действия других, которые на данный момент не были актуальны, а потому и не упоминались.

Указанная взаимозаменяемость духовно-нравственных принципов, исходящая из их «взаимосвязанности» принципиально отличается от их взаимодействия, которое, собственно, и определяет свойство эмерджентности.

Становится понятным, что рассмотренные совокупности духовно-нравственных принципов, обеспечивающие стабилизацию общественных отношений и исходящие из нее, не имеют перспективы в меняющихся условиях бытия.

Таким образом, на каждом историческом этапе находящаяся у власти предприимчивая часть общества формировала с помощью «специальной организованности» общества свои совокупности духовно-нравственных принципов, обеспечивающие стабильность ее правления, которое имело содержание разомкнутого программного регулирования, а по форме представляло собой различные типы власти, и исходила из факта их стабильности, а потому такая аксиоматика в принципе не могла использоваться для реализации замкнутого управления социально-экономической сферой.

Список литературы

1. *Алексеев С. С.* Общая теория права: Курс в 2-х т. Т. 1. – М.: Юрид лит., 1981. – 359 с.
2. *Алексеев С. С.* Общая теория права. Курс в 2-х т. Т. 2. – М.: Юрид. лит., 1982. – 359 с.
3. *Аристотель.* Этика Аристотеля / Пер. с греч. с прил. «Очерк истории греч. этики до Аристотеля» Э. Радлова. – СПб: Философск. об-во при Имп. С.-П.-скомъ ун-тъ, 1908. – 207 с.
4. *Батиев Л. В.* Политические и правовые учения XVII века. – СПб: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006. – 348 с.
5. *Берк Э.* Размышления о революции во Франции и заседаниях некоторых обществ в Лондоне, относящихся к этому событию. – М.: Рудомино, 1993. – 143 с.
6. Большая советская энциклопедия: 3-е издание [В 30-ти т.]. Т. 20. – М.: «Сов. энциклопедия». 1975. – 608 с.
7. *Боннер А. Т.* Законность и справедливость в правоприменительной деятельности. – М.: Рос. право, 1992. – 319 с.
8. *Витке Н. А.* Организация управления и индустриальное развитие. – М., 1925.
9. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 тт. Т. 3: П – Р. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. – 576 с.
10. *Домаков В. В.* Философия управления социально-экономической сферой в условиях изменений бытия XXI века. – СПб: Изд-во «Стратегия будущего», 2013 – 348 с.
11. *Исаев И. А., Золотухина Н. М.* История политических и правовых учений России XI-XX вв. – М.: Юристъ, 1995. – 378 с.
12. *Кечекьян С. Ф.* Учение Аристотеля о государстве и праве. – М.-Л.: изд-во АН СССР, 1947. – 222 с.
13. *Ленин В. И.* Конспект книги Гегеля «Лекции по истории философии» / Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 29. – М.: Гос. изд-во полит. лит., 1973. – 782 с.
14. *Матвеев А. В., Матвеев В. В.* Концептуальные основы обеспечения национальной безопасности России // // Национальная безопасность и стратегическое планирование. – 2014. – № 1(5). – с.3-20.
15. *Матвеев А. В.* Основные модели противодействия коррупции //Сборник IV Международной научно-практической конференции «Фундаментальные и прикладные исследования в современном мире». – 2013. – Т. 2. – с. 42. – СПб: Информационный издательский учебно-научный центр «Стратегия будущего».
16. *Монтескье Ш. Л.* О духе законов. – М.: Мысль, 1999. – 672 с.
17. *Нерсесянц В.С.* Правовое государство: история и современность // Вопросы философии, 1989. – № 2.
18. Общая теория права. Курс лекций / МВД РФ, под общей ред. проф. В. К. Бабаева. – Нижний Новгород: Нижегород. высшая школа, 1993. – 544 с.
19. Платформа избирательного объединения «Памфилова–Гуров–Лысенко» (Республиканская партия Российской Федерации). – М., 1995. – 8 с.
20. *Покровский И. А.* Справедливость, усмотрение и судебная опека. Дилеммы современного гражданского права въ области договоровъ. – Киев: Тип. Имп. Ун-та св. Владимир, 1901. – 26 с.
21. Политическая экономия. Учеб. пособие для школ марксизма-ленинизма [руковод. авт. колл. А. Н. Малофеева, Ю. В. Яковец] – М.: Изд-во Политической литературы, 1967. – 367 с.
22. *Попов П. С.* Изречения Конфуция, учеников его и других лиц. Пер. с китайск. с примеч. П. С. Попова. – СПб, 1910. – 126 с.
23. Проблемы Гильберта // Сборник под общей ред. П. С. Александрова. – М.: изд-во «Главная редакция физико-математической литературы». 1969. – С. 239.
24. *Сергиевич В. И.* Русские юридические древности. Изд. 2-е с переменами и доп. В. Сергиевича. В 3-х т. Т. 2. Вече и князь. Советники князя. – СПб: Тип. М. М. Стасюлевича, 1900. – 618 с.
25. Теория права и государства. Курс лекций / Под ред. проф. Н. И. Матузова и А. В. Малько. – М.: изд. «Юристъ», 1997. – 672 с.
26. *Теплов Э. П., Теплова Н. А.* История политических и правовых учений от древности до наших дней: информация и краткий анализ. Тезисы лекций (учебно-методическое пособие). Часть 1. – СПб: Санкт-Петербургская юридическая академия, 2000. – 68 с.
27. *Теплов Э. П., Теплова Н. А.* История политических и правовых учений от древности до наших дней: информация и краткий анализ. Тезисы лекций (учебно-методическое пособие). Часть II. – СПб: Санкт-Петербургская юридическая академия, 2000. – 64 с.
28. *Хропанюк В. Н.* Теория государства и права. 2-е изд., дополненное, исправленное / Под ред. доктора юридических наук, профессора, заслуженного юриста РФ В. Г. Стрекозова. – М.: изд. «Интерстиль», 1997. – 377 с.